

XIII. а. 411 кк

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

Э С Т Ы, ИХЪ ЖИЗНЬ И ПРАВЫ.

Э. С. Вульфсонъ.

МОСКВА.

Издание книгоиздательницы А. С. Панафиной, Лялицъ пер., соб. домъ.
1908.

оп.

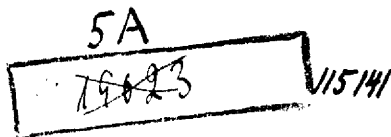
А
79

ГДЪ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧЪМЪ
ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

Э С Т Ы,

ИХЪ ЖИЗНЬ И ПРАВЫ.

Э. С. ВУЛЬФСОНЪ.

МОСКВА.

Издание книгоиздательницы А. С. Панафидиной.

Линн. пер., соб. домъ.

1908.

I.

Прошлая жизнь эстовъ.—
Ихъ занятія и хозяйствен-
ное положеніе.

Шумить и волнуется безбрежное море, вольный вѣтеръ гуляетъ по водяному простору, суетливо подгоняя волну за волной... Вдаль ли посмотришь—конца не видать этому широкому раздолью... Вонъ показался вдали черный дымокъ, и величественный пароходъ гордо пронесся по морскимъ волнамъ и вскорѣ исчезъ изъ виду... А вотъ мелькнулъ и хрупкій рыбацкій челнокъ: то угрюмый эстонецъ-рыболовъ выѣхалъ на свой опасный промыселъ.

А неугомонное море все катить и катить свои воды, сѣдя волны нагоняютъ другъ друга, разбиваются въ пѣну и брызги о песчаный берегъ, и чудится въ ихъ утомительномъ шумѣ горькая жа-

Est. A

Taru Rikliku Üliksõn
Raamatukogu
9905

1 185 21286

лоба измученнаго вѣками рабства эстонца: „О, Боже мой, Боже! куда мнѣ дѣться? Лѣса полны волковъ и медвѣдей; поля полны господь. О, Боже, покарай моего отца, мою мать за то, что они воспитали меня въ порабощенной странѣ!“ Такъ въ отчаяніи пѣвалъ когда-то рабъ-эстонецъ, и до сихъ поръ жива эта жестокая пѣсня въ памяти изстрадавшагося народа...

Да и не мудрено, что слагались такія пѣсни... Чего-чего только не вытерпѣли на своемъ вѣку многострадальные эсты! Нѣмцы, датчане, шведы и поляки спорили между собою изъ-за обладанія эстонскою землею, несчастные жители переходили отъ одного завоевателя къ другому, и тяжело жилось тогда вольному, до тѣхъ поръ, народу.

Еще въ началѣ XIII вѣка нѣмцы, привлеченные богатой добычей, напали на эстонскую землю. Безпощадно сжигали они селеніе за селеніемъ, убивали мужчинъ, а женщинъ и дѣтей забирали въ плѣнъ. Нечего говорить, и эсты не давали пощады врагу, лишь только онъ попадался имъ въ руки: нерѣдко подвергали они мучительнымъ пыткамъ плѣнниковъ-нѣмцевъ и затѣмъ сжигали ихъ живьемъ.

Однако, въ 1218 г. эстамъ удалось настолько сильно стѣснить нѣмцевъ, что тѣ стали искать помощи у могущественнаго въ то время датскаго короля. Датчане не отказались помочь: уже давно

мечтали они о томъ, чтобы утвердиться на Финскомъ побережьѣ, гдѣ находилась эстонская земля; но, завладѣвъ частью этой земли, датскій король не подѣлился съ нѣмцами, а присоединилъ ее къ своему королевству.

Не легче стало туземцамъ жить подъ владычествомъ датчанъ, чѣмъ подъ нѣмецкимъ игомъ. Въ то время эсты были язычниками, не имѣя ни малѣйшаго понятія о единомъ Богѣ. Датчане, какъ до нихъ и нѣмцы, стали проповѣдывать имъ христіанскую вѣру, но не любовью и добрымъ примѣромъ, а огнемъ и мечомъ, жестоко казня упорныхъ язычниковъ, не желавшихъ принять христіанство.

Въ то же время въ западной части эстонской земли и на нѣкоторыхъ островахъ, которые также принадлежали эстамъ, старались утвердиться шведы и тѣснили и угнетали тамъ коренныхъ жителей. Такъ и переходилъ этотъ несчастный народъ отъ одного завоевателя къ другому. Не разъ измученные туземцы возставали противъ своихъ угнетателей; нерѣдко во время такихъ возстаній насильно обращенные въ христіанство жители выкапывали тѣла своихъ покойниковъ, которыхъ ихъ заставляли хоронить на церковныхъ кладбищахъ, и по языческому обряду предавали ихъ сожженію. Но не легче становилось эстамъ отъ такихъ возстаній: болѣе сильный завоеватель усмиралъ ихъ, и мѣ-

стами страна превращалась прямо въ пустыню, а оставшіеся въ живыхъ крестьяне все тѣснѣе закрѣпошались за помѣщиками-завоевателями.

Однако, больше всего пришлось выстрадать эстамъ отъ нѣмцевъ, которые слишкомъ 500 лѣтъ хозяйничали въ ихъ странѣ. Завоевавъ эстонскую землю, нѣмцы большую часть ея подѣлили между собою, и коренные жители мало-по-малу попали къ нимъ въ тяжкое рабство. До чего невыносимо было въ то время положеніе туземцевъ, видно изъ того, что даже нѣмецкій ученый, путешествовавшій по завоеванной землѣ, писалъ объ ихъ жизни такъ: „Съ нашими собаками обращаются лучше, нежели съ этими людьми“.

И вотъ не выдержали даже и многотерпѣливые эсты. Въ 1343 г. измученные рабы потеряли терпѣніе, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, возстали противъ своихъ господъ. Въ ночь подъ Юрьевъ день (на 24 апрѣля) началось поголовное возстаніе; эсты сжигали господскіе дворы, церкви и монастыри, рыскали по странѣ и безнаочно истребляли нѣмцевъ. Но господа и тутъ оказались сильнѣе своихъ рабовъ: возмущеніе было подавлено и такими жестокими мѣрами, что почти вся страна опустѣла, а уцѣлѣвшіе туземцы теперь попали уже въ полное рабство къ нѣмцамъ... Измученный народъ покорно гнулъ голову и затихалъ на время,

пока чаша терпѣнія снова не переполнялась... И вплоть до XV вѣка время отъ времени повторялись такіа возстанія.

Въ 1561 г. эстонскую землю отвоевали у нѣмцевъ поляки и шведы и подѣлили ее между собою. Еще полтора вѣка хозяйничали тамъ чужеземцы, пока въ 1710 г. Петръ Великій не отнялъ ея у шведовъ и не присоединилъ къ Россіи подъ именемъ Эстляндіи. И до сихъ поръ еще, несмотря на почти двухвѣковое владычество русскихъ, страна эта, какъ, впрочемъ, и весь Прибалтійскій край ¹⁾, носить больше нѣмецкое обличье, чѣмъ русское; но все же нѣмцы здѣсь лишь пришлые чужеземцы, и до ихъ прихода еще коренные жители платили дань русскимъ князьямъ. Уже въ ту далекую пору русскіе потянулись къ Балтійскому поморью, чтобы открыть себѣ свободный выходъ къ морю; въ старинныхъ лѣтописяхъ упоминается, что на пути своемъ русскіе встрѣтили тогда финское племя „чудь“, которое и стало съ тѣхъ поръ платить дань русскимъ князьямъ; это-то и были эсты.

Мирно, безъ всякихъ насилій, проповѣдывали русскіе свою вѣру туземцамъ и вводили свои порядки; но не суждено, видно, было эстамъ насла-

¹⁾ Прибалтійскій край состоитъ изъ трехъ губерній: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской.

ждать мирною трудовой жизнью... Еще слаба была тогда Россія, и много приходилось ей самой отбиваться от враговъ, въ особенности отъ татарскаго нашествія; не до новыхъ завоеваній ей было, и надолго отвлеклась она отъ видовъ на эстонскую землю.

Зато послѣ присоединенія къ Россіи, положеніе эстовъ мало-по-малу начало улучшаться, и измученный народъ вздохнулъ свободнѣе. Въ началѣ прошлаго вѣка, при императорѣ Александрѣ I, эсты были освобождены отъ крѣпостной зависимости, хотя и безъ земельнаго надѣла. Но, получивъ личную свободу, туземцы поневолѣ должны были и дальше зависѣть отъ нѣмцевъ, такъ какъ земля была въ ихъ рукахъ, и только они одни были помѣщиками края; эстонцу-крестьянину оставалось либо наняться въ батраки къ своему же бывшему господину, либо, при удачѣ, сдѣлаться арендаторомъ его земли.

И до сихъ поръ еще живетъ въ памяти народа та жестокая пора, когда господинъ былъ воленъ въ жизни и смерти своего раба. Народныя сказки и пѣсни эстовъ все еще не забыли того страшнаго времени, когда за попытку убѣжать изъ тяжелой неволи измученному рабу отсѣкали ногу... И понинѣ еще не исчезла въ туземцахъ ненависть къ своимъ многовѣковымъ притѣснителямъ; не даромъ матери-эстонки, унимая расходившихся дѣтей,

не могутъ придумать болѣе страшной угрозы, какъ смѣшныя на первый взглядъ слова: „Нѣмецъ идетъ!..“

Эстовъ или, какъ ихъ принято еще называть, *чухонцевъ*, около 900 тысячъ душъ; населяютъ они не только Эстляндскую губернію и прилегающіе къ ней острова, но и сѣверную часть Лифляндской, гдѣ живутъ сплошь въ пяти уѣздахъ, такъ что народъ этотъ на большомъ пространствѣ соприкасается съ моремъ. Сама-по-себѣ Эстляндская губернія очень мала, а по населенію менѣе всѣхъ другихъ губерній Европейской Россіи, если не считать Архангельской и Олонецкой губ., которыя населены еще рѣже. На каждую квадратную версту въ Эстляндіи проживаетъ въ среднемъ около 24 человекъ, въ Лифляндіи же около 33 чел., такъ что тамъ населеніе гуще. Кромѣ этихъ двухъ губерній, которыя представляютъ главное мѣсто-жительство эстовъ, ихъ можно еще встрѣтить и за предѣлами Прибалтійскаго края, а именно—въ губерніяхъ Витебской, Псковской и Петербургской.

Главное занятіе большинства эстовъ составляетъ земледѣліе, и какъ ни памятно имъ нѣмецкое иго, а надо сознаться, что именно у нѣмцевъ переняли они лучшіе способы обработки земли. Въ

древнѣйшія времена туземцы занимались лишь охотой и рыболовствомъ, при чемъ самымъ важнымъ домашнимъ животнымъ считалась у нихъ собака. Занимались эсты и скотоводствомъ, но не умѣли готовить изъ молока ни масла ни сыра; было имъ знакомо отчасти и земледѣліе, но сѣяли они только ячмень, а о другихъ хлѣбныхъ злакахъ не имѣли понятія. Точно такъ же они не умѣли обрабатывать землю, не знали никакихъ сельскохозяйственныхъ орудій, а просто, какъ дѣлаютъ это кочевые народы, вырубали лѣса, зажигали ихъ и на такомъ пепелищѣ сѣяли ячмень да еще издревле любимую пищу эстовъ—рѣпу. Только со временемъ научились они сѣять пшеницу, рожь, овесъ, горохъ, бобы и чечевицу.

Мы уже раньше говорили, что въ царствованіе Александра I эсты получили личную свободу, но безъ земельного надѣла. Только позднѣе, а именно въ 1856 году издано было положеніе объ эстляндскихъ крестьянахъ, по которому нѣмцы-помѣшники разъ навсегда предоставили имъ право пользоваться опредѣленною частью своей земли; однако, право собственности на эту землю осталось попрежнему за помѣщиками, а крестьяне, слѣдовательно, являются только арендаторами ея. Съ тѣхъ поръ всѣ земли въ Эстляндіи дѣлятся на такъ-называемыя *мызныя*, то-есть собственно помѣщичьи, и *крестьянскія аренд-*

ныя земли, которыя составляютъ немного болѣе одной трети всей помѣщичьей земли. Само-собою разумѣется, что, по желанію, помѣшники въ правѣ какъ сдавать въ аренду крестьянамъ, такъ и продавать также и свою мызную землю.

Все пространство крестьянской земли въ Эстляндіи содержитъ не менѣе 631.762 десятинъ и раздѣлено на участки двухъ разрядовъ: малые, которые называются *бобыльми* участками, и большіе, называемые *крестьянскими дворами*. Бобыльи участки заключаютъ въ себѣ отъ 3 до 7 десятинъ всей земли, изъ которой пахоты только немногимъ больше одной десятины; крестьянскіе же дворы, напротивъ, уже гораздо больше и въ среднемъ состоятъ изъ 36 десятинъ всей земли при почти девяти десятинахъ пахоты. Изъ этого ясно видно, какъ неравно обеспеченъ крестьянинъ-эстонецъ землей. Въ то время какъ арендаторъ или владѣлецъ крестьянскаго двора имѣетъ избытокъ земли, положеніе бобылей самое жалкое. Больше половины всѣхъ крестьянъ въ Эстляндіи—народъ совсѣмъ безземельный и живетъ въ батракахъ или у помѣщиковъ, или у своего же брата крестьянина, болѣе счастливаго насчетъ земли и хозяйства; многіе, въ погонѣ за заработкомъ, уходятъ и на сторону. А изъ сидящихъ на землѣ эстовъ ббольшая половина и донынѣ еще состоятъ арендаторами, крайне не обеспечена и находится

въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. Арендная плата не изъ легкихъ, и въ среднемъ равняется отъ 3 руб. 10 коп. до 3 руб. 17 коп. за десятину. По закону 1856 г., контрактъ на аренду заключается не меньше чѣмъ на 6 лѣтъ, послѣ чего, конечно, можетъ быть возобновленъ. Но мѣстами, по обоюдному соглашенію, онъ сразу заключается на 8, 10 и даже 18 лѣтъ.

Только небольшой части болѣе состоятельныхъ эстовъ удалось уже выкупить у помѣщиковъ арендованные ими участки и сдѣлаться ихъ собственниками. Такіе счастливыцы живутъ уже совсѣмъ иначе, нежели закабаленный арендаторъ; нѣкоторые собственники обставляютъ свои дома ничуть не хуже, чѣмъ у насъ помѣщикъ средней руки; нерѣдко такой крестьянинъ-богатѣй выписываетъ себѣ цѣлыхъ двѣ газеты; хозяйство у него благоустроенное, все идетъ какъ по маслу, и живетъ онъ себѣ припѣваючи. Есть, конечно, и среди арендаторовъ люди болѣе или менѣе зажиточные, и такіе также стремятся какъ можно скорѣе выкупить арендуемые участки. Но немногимъ это по плечу: продажная цѣна земли въ Эстляндіи тоже не изъ дешевыхъ, и еще 10 лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, десятина въ среднемъ цѣнилась въ 75 руб. 66 коп. Такъ что, повторяемъ, счастливыцевъ-собственниковъ мало среди эстовъ, и жизнь большинства изъ нихъ незавид-

ная и тяжелая. Многіе крестьяне переселились также въ сосѣднія губерніи, гдѣ земля дешевле; сначала они арендовали участки, а потомъ и приобрѣтали ихъ въ собственность, вводя при этомъ такое же правильное хозяйство, какое принято у нихъ на родинѣ.

Зато помѣщичьи земли процвѣтаютъ въ Прибалтійскомъ краѣ, и хозяйства тамошнія считаются самыми образцовыми во всей Россіи: вездѣ введена многопольная система, травосѣяніе, искусственное орошеніе луговъ; сельскохозяйственныя орудія употребляются самыя усовершенствованныя, и хотя земля въ этомъ краѣ мало плодородна, но урожай достигается такой, какъ и въ самыхъ плодородныхъ черноземныхъ губерніяхъ. И помогаетъ тутъ дѣлу, кромѣ обезпеченности нѣмцевъ-помѣщиковъ, еще широкая ихъ образованность; терпѣніемъ и знаніемъ они сумѣли, напримѣръ, непроходимыя болота превратить въ цвѣтушія поля и не жалѣютъ силъ и средствъ на борьбу съ природой. Сельскимъ хозяйствомъ занимаются еще и пасторы *), которые владеютъ крупными земельными участками.

Кромѣ хлѣбныхъ злаковъ, много разводятъ въ этомъ краѣ картофеля и льна. Картофель идетъ на винокуренные заводы, которыхъ очень много въ Эстляндской губерніи: по приготовленію спирта она занимаетъ первое мѣсто въ Россіи; ленъ отправляется,

*) Священнослужители у лютеранъ.

главнымъ образомъ, за границу. Лѣсами край этотъ также можетъ похвалиться. Повсюду ведется правильное лѣсное хозяйство: лѣса раздѣлены на участки, изъ которыхъ вырубается только по одному въ годъ, такъ что когда дѣло доходитъ до послѣдняго участка, то первый уже успѣлъ достаточно вырасти; такимъ образомъ, край этотъ обезпеченъ отъ полнаго истребленія лѣсовъ. Въ свободное отъ работъ время охота составляетъ одно изъ самыхъ любимыхъ занятій эста. Хвойные и лиственные лѣса Эстляндіи изобилуютъ добычей; въ нихъ водятся бѣлки, зайцы, кролики, выдры, рыси, барсуки, куницы, медвѣди и волки. Эсты—искусные стрѣлки, отправляются они на охоту большими компаніями, проводя зачастую по нѣскольکو дней въ лѣсу. Кромѣ богатой добычи, охотники приносятъ домой огромное количество грибовъ, орѣховъ и ягодъ, которыми такъ богаты тамошніе лѣса.

Скотоводство въ Эстляндіи также стоитъ выше, чѣмъ въ остальной Россіи. У крестьянъ скотъ обыкновенно хорошій, и особенно славятся изъ туземныхъ породъ упряжные быки и лошади, хотя и небольшія, но крѣпкія, выносливыя и быстрыя на бѣгу. Еще Петръ Великій послѣ покоренія Эстляндіи обратилъ вниманіе на породистыхъ лошадей ея; онъ повелѣлъ отправить огромные табуны ихъ на сочныя пастбища Вятской и Пермской губ., чтобы улучшить тамошнюю породу. Такимъ-то образомъ и произошли

знаменитыя нынѣ вятки и обвинки. У помѣщиковъ водятся больше иностранныя породы скота. Овцеводство тоже значительно развито въ краѣ, и въ одной Эстляндіи насчитываются уже десятки тысячъ тонкорунныхъ овецъ, благодаря чему тамъ устраиваются суконныя и шерстяныя фабрики.

Прибрежные жители, какъ и населеніе острововъ, занимаются, главнымъ образомъ, рыболовствомъ, которое составляетъ почти ихъ единственный промыселъ. Ловля производится, по большей части, сѣтями и плетеными изъ прутьевъ корзинами; кромѣ того, употребляются еще удочки, гарпуны и другіе снаряды. Въ погонѣ за добычей, отважный рыбакъ часто уносится на своемъ легкомъ челнокѣ верстъ за 20 отъ берега. Нерѣдко ѣдущимъ на пароходѣ представляется красивая картина: множество эстовъ-рыбаковъ снуютъ по морю во всѣ стороны, а на челнокахъ ихъ такъ и пылаютъ смоляныя бочки и кучки хвороста для привлеченія рыбы. Чаще всего ловятся угри, миноги, лещи, карпы, судаки и, въ особенности, мелкая рыба салакушка, которая особннымъ способомъ заготавливается впрокъ на заводахъ города Ревеля*) и славится на всю Россію подъ именемъ „ревельской кильки“. Когда-то водилась въ Балтійскомъ морѣ и сельдь, но теперь исчезла. Въ будущемъ, когда эсты познакомятся съ

*) Ревель—губернскій городъ Эстляндской губ.

новѣйшими способами хранения и заготовленія рыбы, рыболовный промыселъ сможетъ приносить имъ гораздо больше дохода, чѣмъ въ настоящее время.

Точно также многія приморскія мѣстности славятся своими цѣлебными купаньями, и на лѣто туда съѣзжается множество больныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Нечего и говорить, что мѣстные жители получаютъ немалыя выгоды отъ этихъ съѣздовъ, сдавая больнымъ помѣщенія, поставляя разные припасы и т. д.

Что касается торговли, то она процвѣтаетъ въ краѣ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ 35 тому назадъ провели Балтійскую желѣзную дорогу, которая соединила городъ Ревель съ Петербургомъ, а черезъ него, слѣдовательно, и съ внутренними губерніями Россіи. Раньше, по причинѣ замерзанія Финскаго залива, многіе товары зимою не могли морскимъ путемъ доходить до Петербурга; теперь же они ввозятся прямо по желѣзной дорогѣ. Какъ гавань, Ревель занимаетъ четвертое мѣсто во всей имперіи по цѣнности его торговыхъ оборотовъ; черезъ него на десятки милліоновъ рублей ввозится хлопокъ, шерстяная и бумажная пряжа, всевозможный красный товаръ, разныя машины, каменный уголь, соль и пр.; вывозится же хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя и спиртъ. Положеніе этого города замѣчательно выгодное: онъ расположенъ на берегу глущи.

бокой бухты, почти въ самомъ началѣ Финскаго залива, и прочно защищенъ островами, такъ что бухта его замерзаетъ на меньшее время, чѣмъ Петербургская гавань. Самъ-по-себѣ городъ очень красивъ и считается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи; и до сихъ поръ еще онъ носитъ на себѣ отпечатокъ далекихъ средневѣковыхъ временъ.

Прибрежное плаваніе также доставляетъ здѣсь немалый доходъ жителямъ, такъ какъ значительная часть торговаго флота Балтійскаго побережья находится въ рукахъ туземцевъ. Эсты—отважные и смѣлые моряки; они хорошо знаютъ свое родное море и крѣпко привязаны къ нему. Помогаетъ дѣлу и множество морскихъ школъ, которыя въ изобиліи имѣются въ Прибалтійскомъ краѣ; въ нихъ-то будущіе мореходы и изучаютъ искусство правильнаго мореплаванія.

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о самой природѣ Эстляндіи и ея обитателяхъ.

Береговая полоса этого края низменна, покрыта болотами и сырыми лугами; неугомонныя морскія волны непрестанно прибываютъ песокъ, который съ теченіемъ времени собирается въ цѣлые холмы, называемые *дюнами*. Такія дюны можно встрѣтить вдоль всего побережья. Часто западный вѣтеръ гонитъ этотъ песокъ внутрь страны и засыпаетъ имъ плодородныя поля; въ такихъ мѣстностяхъ жители

стараятся задержать движеніе песковъ плетнями, посадкой кустарниковъ и сорныхъ травъ. Вдоль Финскаго залива берегъ подымается мѣстами круто (до 25 саж.) и изрѣзанъ многочисленными бухтами. Внутри края можно встрѣтить множество холмовъ, на которыхъ крестьяне часто находятъ груды гранитныхъ камней. Зима здѣсь поздняя и умѣренная, особенно въ мѣстахъ, примыкающихъ къ морю; весна холодная, лѣто прохладное, а осень теплая и очень дождливая.

Какъ природа, и сами жители отличаются другъ отъ друга; такъ, приморскіе эсты выше ростомъ, сильнѣе и выносливѣе, чѣмъ поселяне, проживающіе внутри страны; на этихъ сказалась долгая неволя у жестокосердыхъ господъ въ тяжкое крѣпостное время. Глаза у эстовъ голубые, волосы свѣтлорусые, часто желтоватые. На первый взглядъ туземецъ кажется вялымъ: долгое рабство сдѣлало его угрюмымъ и мрачнымъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ упрямъ, настойчивъ и нелегко сдается въ бѣдѣ. Зато стоитъ только обидѣть эстонца, и куда дѣвалась его терпѣливость и наружное спокойствіе! Онъ не проститъ обиды, способенъ кинуться на обидчика, а при случаѣ и отомстить ему. Но, въ общемъ, эсты миролюбиваго нрава и своимъ терпѣніемъ и любовью къ труду могутъ служить добрымъ примѣромъ и для другихъ народовъ.

II.

Вѣрованія эстовъ.—Сувѣррія.—Праздники и развлеченія.—Народныя сказанія.

Въ наше время всѣ эсты христіане, и большинство изъ нихъ исповѣдуетъ лютеранскую вѣру, которую они переняли у нѣмцевъ, такъ долго владѣвшихъ Прибалтійскимъ краемъ. Но, начиная съ 1840 г., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коренные жители, все еще притѣсняемые нѣмцами-помѣщиками, стали переходить въ православіе, и въ наше время православныхъ эстовъ насчитывается уже нѣсколько десятковъ тысячъ.

Въ старину эсты были язычниками, поклонялись многимъ божествамъ, какъ, напримѣръ, солнцу, лунѣ, священнымъ деревьямъ и камнямъ, различнымъ духамъ, населявшимъ, по ихъ понятію, небо и землю, и проч. Чтобы умилостивить своихъ боговъ, эсты приносили имъ жертвы, и говорятъ, что въ глубокой древности существовали у нихъ даже и чело-вѣческія жертвоприношенія. И уже послѣ обраще-

нія въ христіанство этотъ темный народъ долго еще продолжалъ приносить разные дары своимъ языческимъ божествамъ.

Мы уже знаемъ, что различные христіанскіе народы, овладѣвавшіе эстонскою землею, проповѣдывали покореннымъ жителямъ св. Евангеліе, но дѣлали они это не мирными средствами, а жестокостями и насиліями. Туземцы, конечно, сопротивлялись и втайнѣ крѣпко держались своихъ языческихъ обрядовъ, а во время народныхъ возстаній и открыто объявляли себя язычниками. Поэтому-то христіанское ученіе долго не могло пустить глубокихъ корней въ смутной душѣ темнаго эстонца; всевозможныя сувѣррія и понынѣ еще сильно развиты въ этомъ народѣ, остатки язычества живутъ и до сихъ поръ, а не такъ давно еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершались и языческія жертвоприношенія...

Въ прежнія времена чужеземцы, владѣвшіе краемъ, преслѣдовали жертвоприношенія эстовъ, какъ самыя тяжкія преступленія. Позднѣе уже само духовенство стало словомъ и дѣломъ ратовать противъ этого языческаго обряда, хотя мірскія власти начали смотрѣть на него уже не такъ строго. Туземцы собирались для жертвоприношеній въ многочисленныя сборища, по большей части, вокругъ какого-нибудь священнаго дерева; тутъ зажигались

костры, въ которые они бросали различные дары: серебро, золото и другія драгоценности въ честь величайшаго языческаго бога эстовъ—Тары. Больше всѣхъ дней въ недѣлѣ почитался въ то время четвергъ; въ этотъ день жители рано прекращали работы, а отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и совсѣмъ воздерживались. Вотъ тутъ-то и совершались обыкновенно жертвоприношенія; съ вечера и вплоть до утра пятницы народъ ликовалъ, предаваясь, подъ звуки волынки, пѣнію и пляскамъ въ честь высочайшаго своего бога. Когда жертвенные костры потухали, то пепелище это становилось священнымъ. Еще какихъ-нибудь лѣтъ сто назадъ эсты, гдѣ только это можно было сдѣлать втайнѣ отъ властей, старались на такихъ святыхъ мѣстахъ хоронить своихъ покойниковъ.

Священныхъ деревьевъ въ старину было очень много, да и посейчасъ еще есть во многихъ мѣстахъ, обитаемыхъ эстами. На одномъ изъ большихъ острововъ Эстляндіи была большая дуплистая сосна; по четвергамъ, на ущербѣ луны, жители впотьмахъ, чтобы никто не увидалъ, пробирались къ этому священному мѣсту и клали въ дупло деньги и разные доскутья. Деньги бережно прятались и закрывались тамъ, чтобы никто не могъ найти ихъ, а насчетъ доскутьевъ существовало повѣрье, что если кто-нибудь осмѣлится

взять такой жертвенный даръ, то на него перейдутъ всѣ болѣзни, неудачи,—словомъ, все зло съ того человѣка, который положилъ его. До чего сильна была у этого темнаго народа вѣра въ чудодѣйственную силу такого жертвоприношенія, видно изъ того что, когда, на примѣръ, у эстонца случалось какое-нибудь несчастіе, онъ давалъ обѣщаніе на случай избавленія отъ бѣды принести этому дереву жертву. И разъ несчастіе миновало, такой обѣтъ всегда строго исполнялся суевѣрнымъ туземцемъ.

Кромѣ разныхъ неодушевленныхъ предметовъ, приносились въ жертву и животныя. Такъ, уже послѣ введенія христіанства, въ Михайловъ день, подъ липой воздвигался алтарь, на которомъ суевѣрный эстонецъ приносилъ въ жертву пѣтуха. Каждый хозяинъ дома рѣзалъ въ этотъ день птицу, при чемъ сначала сжигались перья, ноги и внутренности, и только послѣ этого варилась уже остальная часть пѣтуха; страшнымъ грѣхомъ считалось дотрогиваться до кушанья, пока мясо не было совсѣмъ готово. Но лишь только птица поспѣвала, всѣ домочадцы опускались на колѣни, и колѣнопреклоненный хозяинъ клалъ часть свареннаго мяса на алтарь, а остальное съѣдалъ самъ...

И донинѣ еще живетъ въ этомъ народѣ немало языческихъ суевѣрій. И теперь еще въ одномъ

эстонскомъ приходѣ стоитъ подѣ деревомъ алтарь, грубо сдѣланный изъ гранита, а въ дуплѣ этого дерева можно найти по временамъ и небольшіе жертвенные дары...

Изъ праздниковъ особеннымъ почетомъ пользуется у эстовъ день св. Іоанна, но и здѣсь не обходится безъ остатковъ язычества даже въ наше время. Такъ, напримѣръ, вблизи одной деревни, возлѣ ручья, лежитъ камень, который у мѣстныхъ жителей извѣстенъ подѣ именемъ камня св. Іоанна. Уже съ полуночи подѣ Ивановъ день къ мѣсту этому со всѣхъ окрестностей стекается толпа нищихъ; благоговѣйно обнаживъ головы, они разсуживаются вокругъ священнаго камня и шопотомъ ведутъ между собою бесѣду. Но вонъ близится разсвѣтъ, и веселое солнышко вотъ-вотъ готово прорвать покровъ румяной зари; изъ деревни и болѣе отдаленныхъ окрестностей устремляется сюда народъ на торжественное празднованіе великаго дня...

Вотъ принесены уже изъ церкви восковыя свѣчи; народъ зажигаетъ ихъ и ставитъ на священный камень. Раздается стройное пѣніе: то нищія запѣли хоромъ, привѣтствуя величайшій эстонскій праздникъ. Вѣрующіе начинаютъ складывать на камень принесенные ими дары. Чего тутъ только нѣтъ? Масло, сыръ, горшки съ сывороткой,

куски сукна и матерій, чулки, ленты и проч., — все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ высокій холмъ надѣ камнемъ. Народъ въ священномъ трепетѣ становится на колѣни передѣ чтимую святыней, шепчетъ молитвы и осѣняетъ себя крестнымъ знаменемъ...

Но лишь только догорѣли свѣчи, каждый беретъ свои дары обратно, обходитъ трижды вокругъ камня и раздаетъ свои жертвенныя приношенія нищимъ, при чемъ изъ сѣстныхъ припасовъ дается только по три полныхъ ложки. Послѣ раздачи многіе изъ народа — мужчины, женщины и дѣти — купаются въ ручьѣ, на берегу котораго находится этотъ священный камень; въ тотъ день водѣ этой приписывается цѣлебное свойство, и народъ беретъ ее съ собою и на домъ. Когда купающіеся выходятъ изъ воды, нищія высказываютъ имъ пожеланіе счастья, а тѣ дарятъ имъ свои старыя рубахи. И что всего любопытнѣе — эстонское духовенство не только не воспрещаетъ своимъ прихожанамъ выполнять этотъ языческій обрядъ, но сами пасторы еще принимаютъ въ немъ участіе. По окончаніи торжества всѣ отправляются на постоялый дворъ, который отстоитъ за четверть версты отъ священнаго камня; тамъ начинается обѣдъ, и народъ пируетъ на славу. Танцы, игры и пѣніе длятся до поздней ночи, и народное веселье оглашаетъ воздухъ на далекое пространство...

Особое значеніе въ глазахъ суевѣрнаго эстонца имѣютъ такія мѣста, съ которыми связано какое-нибудь сказаніе изъ древнихъ временъ или же воспоминаніе о важномъ событіи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ приходѣ мѣстные жители показываютъ два большихъ камня, на которыхъ будто бы отпечатлѣлись слѣды дьявола. Мѣстность эта лежитъ на морскомъ побережьѣ, и, по народному повѣрью, дьяволъ, задумавъ однажды соорудить плотину между берегомъ и ближайшимъ островомъ, бросилъ въ море огромную скалу; при этомъ слѣды его и отпечатлѣлись на двухъ упомянутыхъ камняхъ.

Любопытно, что во многихъ мѣстахъ Эстляндіи можно встрѣтить высокіе холмы, образовавшіеся отъ груды набросанныхъ камней, палокъ, наскоро сдѣланныхъ крестовъ и т. п. Мѣста эти связаны въ народной памяти съ какимъ-нибудь убійствомъ, нѣкогда случившимся здѣсь. Такъ, на одномъ островѣ есть холмъ, гдѣ, по мѣстному сказанію, въ древнія времена встрѣтились два свадебныхъ поѣзда; обѣ стороны вступили въ споръ, при чемъ одинъ изъ жениховъ былъ убитъ. Вотъ на этомъ-то самомъ мѣстѣ и понынѣ еще каждый прохожій бросаетъ кусокъ дерева или вѣтку, для того чтобы душа убитаго жениха не стала преслѣдовать его. Время отъ времени мальчишки, приставленные здѣсь, жи-

гаютъ накопившіяся груды, отчего образовалось большое пепелище.

А вотъ стоитъ возлѣ одной деревни сосна; она

также считается священной и только потому, что въ нее ударила когда-то молнія. Суевѣрные прохожіе останавливаются передъ ней, кладутъ поклоны и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, говорятъ: „Святой громъ! избави насъ отъ Божьяго гнѣва, отъ всякаго зла, отъ труда

и барщины!“ Сосна эта считается настолько священной, что передъ погребеніемъ подъ нею ставятся на нѣкоторое время покойники, приносимые изъ ближайшихъ окрестностей.

Не пересчитать всѣхъ языческихъ суевѣрій, которыя царятъ въ темномъ, необразованномъ народѣ. Вѣрить эстонецъ, что существуютъ злые и добрые духи, отъ которыхъ зависитъ благополучіе или несчастіе человѣка, и въ домового, и въ водяного, и въ лѣшаго, и въ какую только чертовщину не вѣрять онъ! Идетъ ли крестьянинъ по лѣсу, онъ громко насвистываетъ веселую пѣсенку, чтобы лѣшій испугался и не сбиль его съ пути. А грянетъ громъ, стало-быть, Илья пророкъ проѣхалъ по небу на желѣзной колесницѣ, или же самъ громъ гремитъ стеклянными или каменными шарами, отчего и происходитъ шумъ. Ударить ли при этомъ молнія въ какое-нибудь строеніе, эстонецъ боится тушить пожаръ, такъ какъ, по темному разумѣнію своему, считаетъ, что это самъ Господь Богъ зажигъ огонь. Видитъ селянинъ на небѣ луну, а на лунѣ пятна, и хочется ему знать, откуда взялись онѣ. Если бы онъ когда-нибудь училъ о строеніи луны, то зналъ бы, что на ней много высокихъ горъ, и тѣнь отъ этихъ самыхъ горъ намъ, жителямъ земли, видна въ видѣ пятенъ. Но народъ не знаетъ этого и истолковываетъ все по-своему: одни думаютъ, что пятна эти представляютъ Каина и Авеля, при чемъ у Каина въ рукахъ дубина, а Авель лежитъ передъ нимъ навзничъ. А другіе говорятъ такъ: когда-то, въ одинъ прекрасный лун-

ный вечеръ, два неисправимыхъ вора задумали обобрать луну. Недолго думая, подставили они лѣстницу, взобрались на нее, да только слѣзть назадъ не сумѣли, и понынѣ еще видны тамъ въ видѣ пятенъ. Такъ гадаетъ и заблуждается темный человѣческій умъ, не освѣщенный лучами истиннаго знанія...

Очень любопытны различныя народныя сказанія у эстовъ. О сотвореніи міра существуетъ, напримѣръ, такое древнее преданіе.

Величайшій богъ этого народа, Тара, обиталъ нѣкогда въ недосягаемыхъ высотахъ; въ предверіи его жилища красовалось величественное солнце. Имя этого божества считалось настолько священнымъ въ языческія времена, что эстонецъ не осмѣливался даже произносить его, а называлъ его простымъ человѣческимъ словомъ — „дѣдушка“. Такъ вотъ, однажды, дѣдушка, чтобы было съ кѣмъ вести совѣтъ, создалъ героевъ, — сильныхъ тѣломъ и мудрыхъ умомъ, которыхъ онъ называлъ своими дѣтьми; герои эти почитались у эстовъ полубогами. Задумавъ сотворить міръ, дѣдушка создалъ на совѣтъ своихъ дѣтей; тѣ во всемъ согласились съ нимъ, сказавъ: „Что ты въ своей мудрости порѣшилъ, то не можетъ быть дурно“. Послѣ этого дѣ-

душка создалъ міръ начерно, въ грубомъ еще видѣ, и тутъ же заснулъ отъ усталости. Въ это время герои украсили небо всѣми прелестями его. Одинъ изъ нихъ, Ванемуйне, богъ пѣнія и музыки, радостно схватилъ свою арфу¹⁾, душа его исполнилась торжественныхъ звуковъ, и, запѣвъ ликующую пѣсню, онъ спрыгнулъ на землю; вслѣдъ за нимъ устремились туда и пѣвчія птицы. А Ванемуйне все пѣлъ да пѣлъ, танцуя подь сладкіе звуки своей арфы, и тамъ, гдѣ касалась нога его, тотчасъ же появлялись душистые цвѣты... Присаживался ли онъ съ пѣсней на камень, какъ тутъ же вырастали тѣнистыя деревья, на нихъ садились пѣвчія птицы и радостно вторили его пѣнію... Другіе герои веселились и ликовали по дѣсамъ и холмамъ, и было такъ торжественно-шумно вокругъ, что проснулся и дѣдушка. Увидавъ такое веселье и радость, онъ рѣшилъ довершить созданіе міра и сотворить другія существа. Человѣка онъ задумалъ создать слабымъ, чтобы тотъ не могъ гордиться своею силой, а героямъ своимъ приказалъ сдружиться и смѣшаться съ людьми, чтобы произошелъ такой родъ, который нелегко покорится злу. „Злая не могу и не въ силахъ уничтожить“, сказалъ

¹⁾ *Арфа*—музыкальный инструментъ, имѣющій видъ треугольника, струны котораго неодинаковой длины; играютъ на нихъ, перебирая пальцами.

героямъ дѣдушка, „ибо оно есть мѣра и жало добра“.

Не менѣе любопытны и народныя эстонскія сказки. Для образца приведемъ здѣсь хоть одну изъ нихъ. На одномъ изъ острововъ Эстляндіи есть большое болото, извѣстное въ этой мѣстности подь именемъ Чортова болота. Народный вымыселъ рассказываетъ о немъ слѣдующее:

Однажды лунною ночью, по тропинкѣ, ведущей къ болоту, мирно шель крестьянинъ, какъ вдругъ онъ увидалъ двухъ чертей. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, другой невеликъ, и оба отчаянно спорили между собою. Замѣтивъ человѣка, оба чорта направились къ нему и просили его разсудить ихъ дѣло своею человѣческой мудростью. А споръ шель о томъ, какъ подѣлить болото: всякій изъ нихъ хотѣлъ себѣ бѣольшую половину.

Подумалъ-подумалъ крестьянинъ, пораскинулъ умомъ и такъ и этакъ, почесалъ за ухомъ и, нахлобучивъ шапку поглубже, сказалъ спорившимъ: „Почтенные чертенята! О чемъ тутъ спорить? Конечно, бѣольшему чорту и бѣольшая половина!“

Много еще существуетъ у эстовъ любопытныхъ сказаній и сказокъ, и цѣлая книга понадобилась бы, чтобы привести всѣ плоды досужаго народнаго вымысла.

III.

Жилище, одежда и пища у эстовъ.

Если бы нашъ крестьянинъ очутился какими-нибудь судьбами въ эстонской деревнѣ, то онъ былъ бы сильно изумленъ ея видомъ: ничего похожего на нашу русскую деревню онъ бы не нашелъ въ ней. Прямыхъ улицъ нѣтъ и въ поминѣ; постройки разбросаны въ беспорядкѣ, при чемъ лицевая сторона домовъ и окна выходятъ во дворъ, а съ улицы видны лишь глухія стѣны да заборы. Дома всѣ деревянные, и рѣдко кто подводитъ каменный фундаментъ; довольно низкія стѣны выстроены частью изъ дерева, а частью изъ песчаника; крыша четырехскатная, полъ земляной, и только у богатыхъ людей досчатый. Въ то время какъ намъ трудно себѣ представить русскую избу безъ теплой, привѣтной печи, эстонецъ ухитрился совсѣмъ обойтись безъ нея: въ отдаленной части хижины лежитъ тутъ груда камней, которыхъ такое изобиліе въ Эстляндіи, и на нихъ-то, при по-

мощи тагана, туземцы и варягъ свои незатѣйливыя кушанья. Изъ этого ясно, что жилище эстонца топится по-черному и есть не что иное, какъ курная изба; постоянный дымъ, копоть и грязь очень вредно дѣйствуютъ на здоровье и въ особенности на глаза: не даромъ у эстовъ такъ много слѣпыхъ стариковъ. Чтобы дать выходъ дыму изъ избы, приходится открывать наружную дверь, а такъ какъ зимою при этомъ можетъ войти слишкомъ много морознаго воздуха, то эстонецъ устроилъ передъ нею еще полудверь, или по мѣстному—*сангъ*.

Вотъ передъ нами жилище бобыля, то-есть крестьянина, арендующаго бобылій участокъ. Войдемъ туда, читатель, и посмотримъ, какъ живетъ этотъ горемыка, хотя и вольный по закону, но все же на каждомъ шагу зависящій отъ произвола помещика-нѣмца или мызнаго приказчика. Прежде всего мы попадаемъ въ сѣни, по одну сторону находится жилая комната, гдѣ ютятся хозяева, а порою тутъ же помѣщается и скотина; по другую же сторону сѣней устроено помѣщеніе для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. А вотъ и внутренность избы; какъ неприглядно и бѣдно вокругъ! Вдоль стѣнъ идутъ деревянные столы, скамейки и сундуки: все это грязно и покрыто вѣчною копотью... Куча камней вдали вмѣсто привычной

намъ теплой печи, корыто для корма скота, два жалкихъ оконца,—по большей части изъ осколковъ, склеенныхъ бумажными полосками,—угрюмый хозяинъ, измученный нуждой; непривѣтно, темно и скучно тутъ, господа!

Пойдемъ дальше и заглянемъ лучше къ крестьянину-арендатору средней руки. Здѣсь нужда, видимо, меньше гнетъ, и жилое помѣщеніе разгорожено уже на нѣсколько комнатъ; помѣщеніе для хозяйственныхъ нуждъ выведено изъ камня, такъ какъ только самые бѣдные строятъ его изъ дерева. На дворѣ разбросаны разныя необходимыя постройки; отстоятъ онѣ на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, для большей безопасности на случай пожара. Прямо передъ домомъ помѣщается длинное зданіе, сажень до шести, при двухсаженной ширинѣ; тутъ и амбаръ, и сарай для телѣгъ, и хлѣвъ, который очень часто строится изъ камня. Иногда всѣ эти три помѣщенія устраиваются не вмѣстѣ, а порознь. Еще на крестьянскомъ дворѣ можно видѣть ригу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и сѣннымъ сараемъ, а порою и баню, хотя и не во всѣхъ дворахъ.

Нечего говорить, что жилище эстонца, какъ и вся его жизнь, зависитъ отъ достатка его: чѣмъ богаче крестьянинъ, тѣмъ просторнѣе и прочнѣе его изба, больше въ ней чистоты и порядка. Но,

вообще говоря, крестьянинъ-арендаторъ живетъ очень и очень скромно и во всемъ себѣ отказываетъ. Да и неудивительно! Вѣдь мечта всякаго эстонца—сдѣлаться когда-нибудь собственникомъ, а, между тѣмъ, выкупить свой участокъ не легко. И вотъ для того, чтобы хотя наклонѣ лѣтъ добиться цѣли и навсегда освободиться отъ власти помѣщика, крестьянинъ-арендаторъ всю жизнь ходитъ въ поношенной одеждѣ, питается вироголодь, живетъ кое-какъ, лишь бы сберечь копейку и вырваться на полную волю. Но не такъ-то легко добиться такой удачи: хуторъ въ 30—40 десятинъ продается не менѣе, какъ за двѣ съ половиной тысячи. Рѣдкій счастливецъ можетъ сразу уплатить такую крупную сумму, а по большей части приходится вносить деньги въ разсрочку: сначала 500 руб. задатка, а на остальные двѣ тысячи одного росту выплачивать 100—120 руб. въ годъ; да еще расходы на объявленія въ газетахъ, планы и прочія надобности купли-продажи, такъ что куда больше придется платить такому собственнику, чѣмъ раньше въ арендаторахъ: за аренду этого самаго хутора приходилось вѣдь платить всего 100 руб. въ годъ. А тутъ еще и цѣна на землю поднимается оттого, что продажа участка можетъ лишь состояться по обоюдному соглашенію съ помѣщикомъ; захочетъ онъ продать—продать, а нѣтъ, такъ не заставишь

силой: по закону помѣщикъ можетъ, если пожелаетъ, продавать арендныя земли не только крестьянамъ, но и постороннимъ лицамъ другихъ сословій.

Зато разъ только исполнилась завѣтная мечта всякаго эстонца-крестьянина и удалось ему выплатить всѣ долги и выкупить свой участокъ, тутъ жизнь его круто измѣняется. Куда дѣвалась и груда камней въ углу избы! Самый домъ расширяется, появляются уже печи съ трубами, дымъ, копоть и грязь исчезаютъ навсегда. И внутри вся обстановка мѣняется—больше уюта и удобствъ; дворныя постройки также перестраиваются,—словомъ, прежняя нужда отошла въ вѣчность, и счастливый собственникъ блаженствуетъ и благословляетъ судьбу... А можно встрѣтить въ Эстляндіи и прямо богатыя крестьянскія усадьбы, тамъ, гдѣ хозяева давно уже выкупили свои участки и владѣютъ 70—100 десятинами. Такое хозяйство уже не отличишь отъ заправскаго помѣщичьяго хозяйства; внутри домъ также обставленъ совсѣмъ погородски: тутъ и занавѣски на окнахъ, и цвѣты, и картинки по стѣнамъ; передъ домою садикъ съ цвѣтникомъ и фруктовыми деревьями, дорожки усыпаны пескомъ,—словомъ, вездѣ уютъ и красота. Но такихъ счастливецъ-эстовъ по пальцамъ перечесть, а большинство мучается и еле сводитъ концы съ концами.

Въ приморскихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители почти исключительно занимаются рыболовствомъ, картина эстонскаго жилья уже совсѣмъ другая. Тутъ вдоль берега идутъ длинные ряды рыбачьихъ хижинъ, каждая изъ нихъ обведена ветхимъ деревяннымъ заборомъ, на которомъ просушиваются сѣти; по самому берегу разбросаны челноки, рули, весла и другія принадлежности рыболовнаго промысла.

Здѣсь жители не знаютъ уже гнѣта помѣщика, а взоры всѣхъ вѣчно обращены на море, которымъ только и кормится приморскій эстонецъ. Одна только дума у рыбака—хорошъ ли будетъ уловъ и не измѣнитъ ли ему его непостоянный другъ—измѣнчивое море? Версть за 20 уѣзжаютъ часто отважные рыбаки на свой опасный промыселъ, а случилась въ это время непогода на морѣ—куда дѣвалась веселая картинка приморскаго жилья! Море бурлитъ и волнуется, волны яростно ударяются о берегъ, кругомъ страхъ и смятеніе... Женщины съ грудными младенцами на рукахъ, окруженныя перепуганной дѣтворой, беспомощно толкуются на берегу; шальной вѣтеръ такъ и рветъ съ нихъ одежду, а онѣ все стоятъ и боязливо смотрятъ въ нѣмую даль, стараясь угадать судьбу своихъ близкихъ...

Немало уже жертвъ поглотило ненасытное море, но человекъ упоренъ, а нужда неумолима:

она толкает вперед, приказывает: „Иди!“, и рыбак идет... И кто знает, на удачу или гибель?..

Одежда эстонца состоит из кафтана черного цвета ¹⁾, зеленой или голубой суконной фуфайки и коротких кожаных или полотняных панталонь. На ноги туземец надевает шерстяные чулки и родъ башмаковъ, изготовляемыхъ изъ невыдѣланной коровьей шкуры; башмаки эти вокругъ ноги завязываются тесемками. Конечно, болѣе состоятельные люди носятъ и сапоги, которые дѣтъ 55 тому назадъ можно было встрѣтить лишь у самаго зажиточнаго крестьянина; болѣе же часть эстовъ носила тогда просто лапти. Голову эстонецъ покрываетъ лѣтомъ круглую шляпой, зимой же носить лисью мѣховую шапку и овчинный тулупъ.

Жители городовъ не такъ уже слѣдуютъ своимъ стариннымъ обычаямъ и привычкамъ и одѣваются болѣе по-городски, особенно молодежь, которая любить щегольнуть новизной. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить и деревенскаго парня-эстонца въ пиджакѣ, брюкахъ и черной шляпѣ—совсѣмъ въ городскомъ франтоватомъ нарядѣ. Конечно, тутъ, какъ и во всемъ остальномъ, многое зависитъ отъ

¹⁾ Поэтому-то эстовъ зовутъ *меланикасами*, то-есть чернокафтанники.

достатка человѣка, и иной любитель, при деньгахъ, одѣнется такъ, что и не отличишь его отъ заправскаго городского щеголя.

Женскій народный эстонскій нарядъ очень красивъ, но употребляется теперь уже очень рѣдко, и то только въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ,

напримѣръ, во время обряда „запивокъ“ на эстонскихъ свадьбахъ. Этотъ старинный нарядъ состоитъ изъ обыкновенной рубашки и куртки, поверхъ которой надѣвается бѣлая вышитая рубашка изъ тонкаго полотна и юбка самыхъ яркихъ цвѣтовъ

изъ домотканной шерстяной матеріи. Шея покрывается бѣлымъ платочкомъ, сверхъ него надѣваютъ серебряную цѣпь, а грудь украшаютъ серебрянымъ ожерельемъ, которое, какъ святыня, хранится въ нѣкоторыхъ семьяхъ еще со временъ сѣдой старины, когда эстонецъ не зналъ гнѣта рабства, а наслаждался свободой и довольствомъ. Ожерелье это состоитъ изъ серебряныхъ бусъ разной величины попеременно съ особыми серебряными рублями съ усиками. Разодѣтая такимъ образомъ деревенская красавица держитъ себя особенно важно во время свадебныхъ запивокъ и не снимаетъ уже своего наряда до самаго конца свадебныхъ пиршествъ. Но въ обыкновенной жизни эстонки одѣваются по-городски, любятъ пестрые и яркіе цвѣта; замужнія надѣваютъ на голову бѣлые чепцы, украшенные бантами, а дѣвушки мѣстами носятъ широкую ленту, мѣстами же покрываются прямо платочками. Любятъ эстонка и различныя украшенія, особенно серебряныя цѣпочки и ожерелья изъ бусъ; точно также нашиваетъ себѣ на платья разныя побрякушки и бляшки, до которыхъ очень падки туземныя щеголихи. Но и тутъ, само-собою разумѣется, всякая одѣвается по своимъ средствамъ, и, чѣмъ богаче семья, тѣмъ нарядъ женщинъ и дѣвицъ въ ней будетъ красивѣе и цѣннѣе.

Если нашъ русскій крестьянинъ не можетъ похвалиться изобиліемъ и разнообразіемъ пищи, то ему не приходится въ этомъ дѣлѣ завидовать и своему эстонскому собрату. И долгая неволя подъ игомъ чужеземцевъ и теперешняя нелегкая жизнь не могли избаловать крестьянина-эстонца насчетъ пищи.

Больше всего народъ этотъ любитъ овощи; капуста, въ особенности кислая, считается самымъ лакомымъ народнымъ кушаньемъ. Рѣпа также издревле пользуется большою любовью эстовъ; въ большой чести и картофель, который разводится въ изобилии. Изъ горячей пищи чаще всего употребляется жидкая каша изъ крупъ, а изъ мясныхъ блюдъ самымъ большимъ лакомствомъ считается свинина; но такъ какъ ѣсть ее не по карману бѣдному эстонскому крестьянину, то готовится она только по большимъ праздникамъ и въ особо торжественныхъ случаяхъ. Въ приморскихъ мѣстностяхъ главную пищу жителей составляетъ рыба, которая въ большомъ количествѣ заготавливается въ прокъ и на зиму.

Изъ напитковъ эстонцы особенно любятъ кофе, а мѣстами переняли у русскихъ и чай. Что же касается крѣпкихъ напитковъ, то въ особенномъ почетѣ пиво, при чемъ приготовленіе его сопровождается иногда различными обрядами. Такъ, на-

примѣръ, когда въ домѣ предстоитъ свадьба и начинаютъ варить пиво, то всѣ присутствующіе при этомъ надѣваютъ красныя перчатки. Лишь только пиво сварилось, его сливаютъ въ кадушку, а въ это же время на полъ кладутъ три горячихъ уголька, что, по повѣрью эстовъ, предохраняетъ отъ колдовства; всѣ присутствующіе должны молчать, пока напитокъ совершенно готовъ. На одномъ изъ острововъ Эстляндіи и понынѣ еще существуетъ обычай, совсѣмъ напоминающій языческія времена: когда весною тамошніе рыбаки отправляются на ловлю, они берутъ съ собою пиво и первую кружку его выливаютъ въ лодку, говоря при этомъ: „Сначала дадимъ вотъ этому парню“, и только потомъ уже пьютъ сами. По всей вѣроятности, въ старину этимъ приносилась жертва богу моря, чтобы обезпечить себѣ счастливую поѣздку и богатую добычу.

Не брезгаютъ эсты и водкой, и выпить большіе мастера, такъ что иной любитель работаетъ - работаетъ, а потомъ въ нѣсколько дней спустить то, на что могъ бы прожить недѣли. Въ прежнія времена помѣщики содержали на своихъ земляхъ питейныя заведенія, что немало поддерживало пьянство въ народѣ. Теперь же эта пагубная привычка начинаетъ замѣтно уменьшаться среди эстовъ: волостныя общества одно за другимъ издають поста-

новленія о закрытіи питейныхъ заведеній, и на смѣну имъ идутъ народныя чайныя, гдѣ жители находятъ желанный отдыхъ отъ трудовъ, безъ соблазна встрѣтиться съ разорительницею — водкою. Кромѣ того, въ краѣ образовалось много обществъ трезвости, устраиваются развлечения для народа, и надо надѣяться, что доброму разуму человѣка удастся, съ Божіею помощію, побѣдить своего самаго лютаго врага — проклятую водку.

IV.

Сватовство, свадьба и похороны у эстовъ.

Въ старину у эстовъ существовалъ обычай не сватать дѣвушку открыто, а похищать ее силой. На крикъ похищенной бросались, обыкновенно, въ погоню ея родные, и если имъ не удавалось настичь и освободить ее, то она оставалась у похитителя, а на другой день сама уже должна была рѣшать — хочетъ ли она навсегда остаться у него, или предпочитаетъ возвратиться подъ родимый кровъ. Для такихъ похищеній у эстовъ былъ установленный день въ году, и даже въ наше время на одномъ изъ острововъ Эстляндіи сохранился еще обычай праздновать этотъ день увода веселою попойкой.

Остатки этого далекаго прошлаго живы и нынѣ; такъ, напримѣръ, и въ настоящее время сватовство происходитъ впотьмахъ, чтобы, какъ говорятъ эсты, никто не замѣтилъ его. Въ новолуніе, въ одинъ изъ трехъ дней — вторникъ, четвергъ

или субботу — въ неосвѣщенный домъ невесты является свать. Всѣ, кромѣ хозяина, спать. Принявъ гостя, отецъ выслушиваетъ его предложеніе, и если женихъ угоденъ ему, то онъ зажигаетъ сосновую лучину, будитъ семью и зоветъ невесту.

Проходитъ нѣкоторое время, и въ такой же точно день, когда началось сватовство, снова появляется свать, но на этотъ разъ уже въ сопровожденіи жениха, съ бутылкой водки и бѣлымъ хлѣбомъ въ рукахъ. Въ это время въ домѣ невесты собираются ея подруги и сосѣдки-дѣвицы. Приступая къ разговору, женихъ не прямо говорить, зачѣмъ пришелъ, а начинаетъ дѣло обиняками. Въ длинной цвѣтистой рѣчи заводитъ онъ окольный разговоръ о томъ, что пропала-де у него тѣлка и должна она быть непременно здѣсь; при этомъ описываются и примѣты ея. Родители невесты всячески стараются увѣрить его, что тѣлки здѣсь нѣтъ, что искать ее надо, видно, гдѣ-нибудь въ другомъ дворѣ, при чемъ выводятъ одну изъ подругъ невесты. Женихъ, конечно, не признаетъ ее; выводятъ другую, третью и такъ далѣе, пока самую послѣднюю не выходитъ хозяйская дочь, которая и оказывается потерянною телкою. Послѣ этого накрывается столъ, и свать съ женихомъ начинаютъ угощать принесенною съ собою водкой; если это угощеніе принимается родными невесты, то, стало-

быть, женихъ пришелся имъ по нраву, и дѣло считается порѣшеннымъ. И свать, и женихъ остаются тутъ же ночевать, чтобы на другой день отправиться къ пастору на обрученіе.

Вотъ настало утро, и пора уже собираться въ путь. Невѣста садится въ телѣгу съ товарищемъ жениха, самъ женихъ ѣдетъ въ другой съ подругой невесты, а весь поѣздъ замыкаетъ верхомъ или тоже въ телѣгѣ невестинъ братъ (или замѣститель его, если брата не имѣется). Въ старину всѣ эти лица отправлялись, обыкновенно, верхомъ. Пускаясь въ путь, сговоренные мѣстами берутъ съ собою хлѣба для раздачи нищимъ у церкви; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ противъ колдовства берутъ еще съ собою сѣры или особаго рода вонючую смолу. Передъ отъѣздомъ невеста прощается съ родителями, при чемъ поются сложенные на такой случай стихи. Всѣ ѣдутъ въ перчаткахъ, и во время обрученія женихъ съ невестой обмѣниваются не только кольцами, но и перчатками. За обрученіе каждая сторона платитъ пастору: мѣрку овса, курицу, пару носковъ, кушакъ и подвязки.

Но вотъ торжество кончилось. На обратномъ пути обрученные ѣдутъ уже вмѣстѣ и, вернувшись домой, объявляютъ роднымъ, что Господь Богъ шлетъ имъ здоровья. При этомъ невеста даритъ товарищу жениха пару перчатокъ, и тутъ начи-

нается пиръ горой, который длится до самаго вечера. Когда на столъ подается излюбленный эстонцами пивной супъ, то сначала ложку его выпиваетъ женихъ, вслѣдъ за нимъ изъ той же самой ложки невѣста; выпивъ, она бросаетъ ложку на полъ, а женихъ наступаетъ на нее ногой. Если при этомъ ложка не сломалась, то это плохая примѣта: бракъ будетъ недолговѣченъ.

До свадьбы остается еще нѣсколько недѣль, но невѣста не теряетъ этого времени даромъ. По обычаю эстонцевъ, женихъ даритъ невѣстѣ по фунту нюхательнаго и курительнаго табаку; она готовитъ себѣ разукрашенный рожокъ и красивый кисетъ для этихъ подарковъ, беретъ мѣшокъ и отправляется, какъ говорятъ односельчане, побираться. Вмѣстѣ съ нею идетъ и товарка, за деньги представленная къ ней женихомъ, и такъ переходятъ онѣ изъ деревни въ деревню, угощая табаконъ и получая взаменъ шерсть, чулки, подвязки, перчатки и т. д. Въ то время какъ сама невѣста усердно вяжетъ, ея спутница балагуритъ съ народомъ и всевозможными смѣхотворными средствами старается вытянуть какъ можно больше подарковъ; при этомъ она насильно набиваетъ иногда носы и трубки своимъ табаконъ, чтобы только заставить раскошелиться. Порою обѣ дѣвушки забираются въ этихъ странствіяхъ такъ далеко, что попадаютъ, случается,

съ одного острова на другой; мѣстами вмѣсто табаку берутъ съ собою для угощенія водку. Изъ выпрошенной шерсти ткется потомъ одѣяло, и невѣста вяжетъ подарки, которые на другой день свадьбы она раздаетъ жениховымъ гостямъ.

У эстовъ существуетъ обычай, по которому женихъ передъ свадьбой долженъ непременно одарить невѣсту; такой предбрачный даръ называется по-эстонски *прутандъ*. Въ старину дарили вещами, а теперь все больше деньгами, такъ какъ на нихъ невѣста можетъ купить себѣ то, что ей больше по вкусу. Дается прутандъ послѣ того, какъ порѣшили дѣло, то-есть, когда родители невѣсты приняли отъ свата угощеніе водкой. Количество прутанда, конечно, различно—смотря по достатку жениха; въ прежнее время даже самый богатый эстонецъ давалъ не больше 30 руб., а теперь даетъ уже вдвое больше. Но и самый захудалый бѣднякъ старается на такой случай не ударить лицомъ въ грязь, и часто на прутандъ уходитъ не только его собственный заработокъ, но приходится еще одолжаться у родныхъ или пріятелей. Если женихъ даритъ не деньгами, а вещами, то онъ выбираетъ лишь такія, которыя подходятъ женщинѣ; домашній скотъ, напримѣръ, никогда не дарится.

На прутандъ родители невѣсты не имѣютъ никакого права, и до свадьбы онъ принадлежитъ

только ей одной, а послѣ замужества идетъ въ общее хозяйство молодыхъ, хотя и продолжаетъ считаться собственностью жены. Если вскорѣ послѣ свадьбы молодая умираетъ, не оставивъ дѣтей, то прутандъ ея дѣлится такъ: одна треть возвращается мужу, а остальные двѣ трети полагаются родителямъ покойной. Если же послѣ нея остались дочери, то онъ идетъ цѣликомъ имъ, а при оставшихся сыновьяхъ дѣлится поровну между ними и мужемъ.

Что касается приданого невѣсты, то опять-таки родители даютъ за нею, смотря по достатку, но бѣдные для этого въ долги не входятъ и не разоряются. Давать стараются все полезными для будущаго хозяйства предметами, какъ-то: нѣсколько четвертей ржи, телѣгу, сани, разные орудія, домашнюю утварь и проч. Но одною изъ главныхъ принадлежностей приданого считается у эстонцевъ корова или другой какой-либо домашній скотъ, который приводится на дворъ молодыхъ или сейчасъ послѣ свадьбы или же, пока что, остается у родителей невѣсты, и иногда на довольно продолжительный срокъ. Бѣдный, расчетливый эстонецъ рассуждаетъ такъ: на первыхъ порахъ въ молодомъ хозяйствѣ можетъ и корму не хватить вдоволь, за годъ же новобрачные крѣпче станутъ на ноги, а тѣмъ временемъ живое приданое дочери еще и ему послу-

житъ. Если къ тому же женихъ и богатъ, то такая задержка тянется иногда и по нѣскольку лѣтъ. Часто случается, что онъ и самъ отказывается отъ скота, если избранница его изъ бѣдной семьи.

Конечно, не каждый отецъ даетъ за дочью всѣ тѣ предметы, о которыхъ мы говорили сейчасъ, но зато всякая эстонка непременно приноситъ съ собою двѣ вещи: сундукъ съ приданнымъ и корзину съ подарками, которые молодая на другой день свадьбы раздаетъ жениховымъ гостямъ. Въ сундукѣ находится: бѣлье, платье, пудъ льна (а смотря по достатку и больше), разные матеріи, полотно, шерсть, наряды и украшения, а также непременно нѣсколько головныхъ уборовъ, которые носятъ замужнія эстонки. Въ достаточныхъ семьяхъ приданое это начинаютъ копить съ самаго рожденія дѣвочки. Смотря по уговору, за дочью даютъ и деньги; но, обыкновенно, никакихъ условій на этотъ счетъ между женихомъ и родителями невѣсты не заключается, и что на словахъ пообѣщано, то и дается.

Однако, бываютъ случаи, когда слово это и нарушается; случается это только въ видѣ наказанія, когда отецъ недоволенъ жизнью молодыхъ. Но народная молва очень не одобряетъ такія задержки, и крестьянинъ-эстонецъ въ такихъ случаяхъ говорить: „Самъ виноватъ: каждый отецъ долженъ

знать, за кого выдаетъ дочь, а потомъ пенять уже поздно“.

Хотя приданое и считается у эстовъ собственностью жены, но все же оно, какъ и прутандъ, входитъ въ общее хозяйство, и распоряжаться имъ самовольно, безъ согласія мужа, жена не можетъ; то же самое, когда дѣло идетъ объ имуществѣ, доставшемся ей въ наслѣдство послѣ родныхъ. Послѣ смерти жены приданое ея дѣлится поровну между оставшимися дѣтьми.

Но вотъ наступаетъ, наконецъ, и торжественный

день свадьбы. И тутъ у эстовъ не мало любопытныхъ обычаевъ, совершенно чуждыхъ

намъ, русскимъ. Такъ, на примѣръ, женихъ приглашаетъ своихъ

гостей къ себѣ въ домъ, а невестины гости собираются у нея. И вотъ сидятъ себѣ обѣ стороны въ разныхъ домахъ, а нужно соединить

ихъ вмѣстѣ. Какъ тутъ быть? На помощь дѣлу приходится женихъ со своими гостями. Всѣ они снаряжаются въ путь и отправляются къ дому невесты.

Впереди всѣхъ ѣдетъ самъ женихъ, за нимъ свать-коноводъ—главный распорядитель свадьбы; затѣмъ гости, которые называются „ѣдоками“, такъ какъ на ихъ обязанности лежитъ только пить, ѣсть и веселиться; позади всѣхъ верхомъ на коняхъ ѣдутъ дружки, братья жениха или, если ихъ нѣтъ, посторонніе парни.

За полверсты отъ дома невесты весь веселый поѣздъ этотъ останавливается, а одинъ изъ верховыхъ осторожно, чтобы не обратить вниманія невестиныхъ гостей, подкрадывается къ дому, быстро кресть-на-крестъ ударяетъ плетью по крышѣ надъ самою входной дверью и также незамѣтно летитъ прочь. Вскорѣ онъ возвращается, однако, въ сопровожденіи другого дружки. Невестины гости, давно уже подстерегающіе ихъ, видятъ, конечно, всадниковъ и выносятъ имъ пиво; дружки пьютъ сами и остальное несутъ ожидающей ихъ компаніи. Распивъ пиво, всѣ уже окончательно направляются къ дому невесты. Но увы! тутъ ждетъ ихъ неожиданная помѣха: ворота крѣпко-на-крѣпко заперты, а со двора усердно стерегутъ ихъ всѣ невестины гости и приступаютъ къ прибывшимъ съ допросомъ:

откуда они и кто такіе? А дружка, по обычаю, отвѣчаетъ такую пѣсней:

„Къ чему сторожить, къ чему стеречь?
Здѣсь мой братъ пилъ вино,
Пилъ вино, сватался,
Сюда ходили развѣдчики ¹⁾,
Сюда приносили подарки,
Полные сундуки.
Продать онъ вороного жеребца.
Сюда ведутъ слѣды кареты,
Слѣды кареты, слѣды лошадей,
Слѣды сапоговъ молодежи“.

Гости, стерегушіе ворота, въ отвѣтъ поютъ также установленную на этотъ счетъ пѣсню, и тутъ между обѣими сторонами завязывается цѣлый споръ изъ-за воротъ, и все въ пѣсняхъ. Наконецъ, жениховы дружки всѣми правдами и неправдами проникаютъ во дворъ, для чего приходится зачистую разобрать изгородь или сломать ворота. Послѣ этого уже всѣ въѣзжаютъ во дворъ, а дружки невѣсты кидаются къ лошадямъ и быстро снимаютъ съ нихъ дуги; дѣлается это для того, чтобы компанія ни въ какомъ случаѣ не могла повернуть обратно. Но и тутъ дѣло еще не кончено. Женихъ со своими гостями начинаетъ искать невѣсту, а ея и въ поминѣ нѣтъ. Заслышавъ шумъ и споръ

¹⁾ То-есть сваты; по-эстонски слово „сватъ“ означаетъ въ то же время и „развѣдчикъ“.

изъ-за воротъ, она вмѣстѣ со своими родственниками и подругами запирается въ амбарѣ, и тутъ въ пѣсняхъ снова начинается споръ изъ-за двери. Жениховы гости поютъ такъ:

„Здравствуйте, новые родственники!
Впустите, свойственники!
Не впустите, просить не стану,
Захватчу силою,
Заберусь на крышу,
Буду коньки ломать,
Буду кровлю разбирать,
Ваши двери выломаю,
Ваши выберу замки.
Есть межъ нами плотники,
Плотники-дверники,
Слесарь самъ женихъ:
Дверь смастерить изъ волчьей кости,
Перекладыны изъ оленьей кости,
А замки изъ лебяжьей кости“.

Изъ амбара, въ свою очередь, тоже раздается пѣсня въ отвѣтъ, и долго обѣ стороны спорятъ и препираются въ пѣсняхъ, пока, наконецъ, сила не возьметъ верхъ, и двери амбара открываются. Послѣ этого и побѣдители и побѣжденные приступаютъ наскоро къ закускѣ, которая тутъ же, по обычаю, приготовлена на невѣстиномъ сундукѣ. Самъ женихъ не участвуетъ въ этихъ поискахъ невѣсты, а все время остается въ домѣ, гдѣ гостей ждетъ уже настоящее угощеніе. Закусивши въ амбарѣ, невѣстины дружки ведутъ ее къ жениху, при чемъ

каждый изъ нихъ долженъ сначала протанцовать съ нею три круга. Впереди торжественнаго шествія идетъ музыкантъ, лихо наигрывающій на волынкѣ или гармоникѣ ¹⁾, а за нимъ уже дружки ведутъ за руки невесту. У cadaго изъ нихъ въ рукахъ плетъ въ видѣ нагайки съ рукояткой изъ воловьего хвоста; этими нагайками они постоянно пощелкиваютъ на ходу, отчего вмѣстѣ съ игрой получается шумная, своеобразная музыка. Когда невестѣ приходится проходить дверями, то по каждой изъ нихъ дружка ударяетъ сначала крестъ на-крестъ нагайкой. Въ старину вмѣсто нагаекъ служили мѣстами шпаги.

Но вотъ, наконецъ, шествіе кончилось; всѣ благополучно сошлись вмѣстѣ, и начинается настоящій свадебный пиръ. А въ горницѣ накрыты три стола, которые давно уже дожидаются гостей; а тамъ пойдеть и веселье безъ конца: музыка, пѣніе и танцы продолжаютъ всю ночь; то-и-дѣло раздается пощелкиваніе нагайками, и все вмѣстѣ сливается въ сплошной шумъ и гамъ, который далеко разносится вокругъ...

Только на утро, послѣ ранняго завтрака, совершается самый обрядъ вѣнчанія. Всѣ отправляются

¹⁾ Волынка — народный инструментъ эстовъ и только лѣтъ 20—30 тому назадъ какъ начала мѣстами вытѣснятъ ее русская гармоника.

въ церковь и при входѣ въ нее жмутся тѣснѣ другъ къ другу, чтобы не забрался между ними чортъ или какой-нибудь лихой человекъ. По той же самой причинѣ и женихъ съ невестой во все время вѣнчанія стараются держаться ближе другъ къ другу; передъ алтаремъ оба наровятъ разомъ опуститься на колѣни, такъ какъ, по темному повѣрью эстовъ, кто изъ брачующихся сдѣлаетъ это раньше, тотъ раньше и умретъ. При выходѣ изъ церкви, молодая, на случай колдовства или дурного глаза, незамѣтно бросаетъ спрятанную за пазуху монету.

По возвращеніи домой снова начинается угощеніе, послѣ котораго выполняется торжественный обычай отвоза сундука невесты въ домъ жениха; обязанность эта лежитъ на подругахъ и дружкахъ невесты. Но оказывается, что сдѣлать это не такъ-то просто: мать невесты преспокойно садится на сундукъ и безъ выкупа не отдаетъ его. Тутъ опять раздаются пѣсня:

„Хозяйка-то была хозяйшкою;
Хозяинъ-то былъ хозяйничомъ;
Прочно сядемъ на сундукъ,
Крѣпко будемъ держаться за коробъ.
Потребуемъ за сундукъ десять рублей,
Возьмемъ за петли сто рублей,
За каждый гвоздь по полтиннику.
Если въ силахъ уплатить,
То получите дѣвицу“.

Нечего дѣлать—жениху приходится раскошеливаться; онъ платитъ своей тещѣ нѣсколько рублей и получаетъ сундукъ, который опять съ пѣснями отвозится къ нему въ домъ. Тамъ принимаютъ его родители и ставятъ въ амбаръ.

А пиръ въ домѣ невесты все продолжается. На молодую надѣваютъ чепецъ — головной уборъ замужней эстонки; при этомъ она дважды бросаетъ его на полъ и только въ третій разъ оставляетъ уже на головѣ. Танцы, пѣніе, музыка и угощеніе идутъ вплоть до самаго вечера, когда наступаетъ пора отъѣзда молодой въ домъ мужа. Тутъ подходитъ къ новобрачной жениховъ дружка, беретъ одинъ ея башмакъ, надѣваетъ его на шпагу и, такимъ образомъ, обходитъ всѣхъ гостей, которые кладутъ въ него деньги; молодой въ это время подъ разутую ногу подкладываютъ камень, чтобы душа ея закалилась и стала бы сильною. Когда сборъ оконченъ, начинаются проводы и прощаніе съ родительскимъ домомъ; невеста заливается горючими слезами, а гости поютъ веселыя свадебныя пѣсни...

Но вотъ уже весь поѣздъ благополучно прибылъ въ домъ жениха; тутъ опять начинается угощеніе, и всю ночь напролетъ идетъ шумное веселье. Впрочемъ, эту вторую ночь многіе не выдерживаютъ отъ усталости и заваливаются спать

куда попало, а болѣе неутомимые продолжаютъ пировать подъ богатырскій храпъ намаевшихся гостей.

На утро выполняется также важный свадебный обычай эстовъ: молодая одѣляется подарками свою новую родню и всѣхъ гостей, пировавшихъ на свадьбѣ. Первый подарокъ—рубаху—получаетъ молодой; за нимъ свекровь—простыню, а тамъ свекоръ—тоже рубажу. Далѣе, по порядку, идетъ остальная родня жениха и невесты: дружки, подруги и гости—никто на эстонской свадьбѣ не остается въ обидѣ. Кушаки, перчатки, чулки и подвязки такъ и мелькаютъ въ воздухѣ. И тутъ не обходится безъ веселыхъ и шуточныхъ пѣсней, и часто раздача подарковъ затягивается до самаго вечера.

А на другой день съ утра начинаются такъ называемыя „запивки“, то-есть, угощеніе водкой за деньги. При исполненіи этого обряда всѣ дѣвицы одѣваются въ старинныя эстонскіе народные наряды, которые безъ того очень рѣдко употребляются теперь въ обычной жизни. На столъ ставится водка, пиво и нѣсколько пустыхъ тарелокъ; тутъ же садятся молодые и свать-распорядитель. Свать пѣніемъ подзываетъ поочередно всѣхъ участниковъ свадьбы къ столу и усердно потчуетъ ихъ; тѣ также съ пѣснями въ отвѣтъ принимаютъ угощеніе

и кладутъ деньги на тарелку. Шуткамъ, пѣснямъ и остротамъ при этомъ нѣтъ конца и кругомъ— дружный хохотъ и шумное веселье.

За запивками опять слѣдуетъ музыка, пѣніе и танцы, и, наконецъ, свадебныя празднества заканчиваются обѣдомъ. Къ концу ѣды со всѣхъ сторонъ раздается вдругъ сильный стукъ въ наружныя стѣны; гости любопытствуютъ—что это такое? А свать-распорядитель отвѣчаетъ имъ обинякомъ: „Таракановъ изъ щелей выгоняють“, то-есть, пора и честь знать, и дать покой хозяевамъ. Гости встають, и опять въ пѣсняхъ начинается прощаніе, которое затягивается иногда довольно долго.

Какъ видитъ читатель, свадебныя празднества продолжаются у эстонцевъ не одинъ день, и поселиться они большіе мастера. Конечно, чѣмъ богаче хозяева, тѣмъ и веселье продолжительнѣе. Точно такъ же не на всякой свадьбѣ непременно исполняются всѣ обычаи, которые мы описывали тутъ. По пословицѣ „что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай“, мѣстами приняты однѣ обрядности, мѣстами другія, но вездѣ эстонецъ старается какъ можно веселѣе отпраздновать этотъ торжественный день своей жизни.

Въ жизни человѣческой и горе и радость тѣсно переплетаются между собою, что деревья въ дремучемъ лѣсу; за звонкимъ смѣхомъ идутъ часто слезы, за шумнымъ весельемъ крадется печаль. Такъ и мы перейдемъ теперь отъ веселаго свадебнаго пира къ самымъ грустнымъ минутамъ земной жизни человѣка—къ смерти и похоронамъ.

Когда въ домѣ эстонца случится умирающій, то его кладутъ на солому, возлѣ кровати, съ низкоопущенною головой; по народному повѣрью, это облегчитъ ему разставаніе съ жизнью. Подъ при этомъ начисто подметается и лѣтомъ усыпается цвѣтами, а двери открываются, чтобы дать душѣ свободный пропускъ. Когда при этомъ на дворѣ поднимается вѣтеръ, то эстонецъ думаетъ, что происходитъ это отъ движенія души. Если въ комнатѣ имѣется зеркало, то оно занавѣшивается, чтобы изъ него не выглядывала смерть. Сдѣлавъ все, что сказано, родные спокойно дожидаются смерти больного.

Какъ только появился въ домѣ покойникъ, сейчасъ же изъ дома въ домъ оповѣщается вся деревня, такъ какъ, по эстонскому обычаю, до похоронъ его ни одинъ селянинъ не долженъ работать. Обмывъ тѣло, на покойнаго надѣвають ту же самую рубаху, въ которой онъ скончался, а въ руку даютъ сосновую лучину, которая должна освѣтить

ему путь по долине смерти. Если покойный пользовался большой любовью своих односельчанъ, то въ гробъ къ нему кладутъ шерсть, которая у изголовья привязывается крестъ-на-крестъ. Мѣстами къ мужчинѣ кладутъ еще въ гробъ бутылку водки, топоръ, бритву и другія вещи, а къ женщинѣ— охапку лучины, иголку, нитки и лоскутья для починки бѣлья по дорогѣ къ вѣчной жизни. Кромѣ того, какъ покойнику, такъ и покойницѣ кладутъ на грудь крестъ, сдѣланный изъ соломы или лучины, а въ самый гробъ мыло, щетку для волосъ, банный вѣникъ и немного денегъ, а также то кушанье и тѣ вещи, которыя покойный особенно любилъ при жизни. Но прежде чѣмъ положить эти предметы въ гробъ, каждымъ изъ нихъ очерчивается въ воздухѣ кругъ надъ головой и руками усопшаго.

Много еще разныхъ обрядовъ совершается надъ покойникомъ, прежде чѣмъ тѣло передается землѣ. Такъ, на примѣръ, когда крышка гроба уже совсѣмъ заколочена, каждый изъ присутствующихъ еще дважды ударяетъ по гвоздю; даже маленькія дѣти должны продѣлать это, при чемъ помогаютъ имъ взрослые. Лишь только гробъ съ тѣломъ установленъ на дроги, приносятъ пѣтуха и тутъ же на задкѣ дрогъ отсѣкаютъ ему топоромъ голову, чтобы покойникъ не вздумалъ вернуться обратно и не тревожилъ бы родныхъ; по той же причинѣ тотъ

часъ послѣ выноса въ порогъ вбивается гвоздь, такъ что по числу этихъ гвоздей можно сразу увидать, сколько было покойниковъ въ эстонской семьѣ; тутъ же возлѣ входной двери ставится маленькая елочка. Едва дроги собираются выѣхать изъ воротъ, какъ подъ колеса швыряютъ кружку съ пивомъ или рюмку съ водкой, чтобы покойный не предавался пьянству въ загробной жизни.

Если похороны случаются зимою и кратчайшій путь къ кладбищу протекаетъ черезъ пашню, то суевѣрный эстонецъ скорѣе дастъ крюку и поѣдетъ снѣжною цѣлиной: иначе хлѣбъ на этой пашнѣ не уродится. Точно также и солома, на которой скончался покойный, и доски, на которыхъ лежало мертвое тѣло, тотчасъ же послѣ выноса уносятся на дорогу, по направленію похороннаго поѣзда, и сжигаются; въ противномъ случаѣ, опять кто-нибудь умретъ въ домѣ. На свѣжую могилу ставятъ крестъ, который обвивается разноцвѣтными нитями.

Возвратившись съ кладбища, всѣ провожатые, подъѣзжая къ дому покойнаго, размахиваютъ сорванными на обратномъ пути вѣтками и кричатъ его близкимъ: „Не умирайте! На Божьей нивѣ для васъ не осталось мѣста!“

Послѣ этого приступаютъ къ поминальной трапезѣ.

V.

Семейныя отношенія у эстовъ.—Народное образованіе
и сельское управленіе.

Внутренняя жизнь въ каждой семьѣ зависитъ не только отъ того или иного нрава ея членовъ, но и въ большой степени также отъ достатка семьи. Какъ бы ни былъ добръ и уживчивъ человѣкъ, но если изо-дня-въ-день его точить нужда и непосильный трудъ, то онъ часто прорывается тамъ, гдѣ при лучшей жизни этого бы не случилось. Такъ и въ эстонской семьѣ. Мы уже знаемъ, что народъ этотъ крайне необезпеченный и существованіе дается ему не легко; однако, несмотря на это, дѣти считаются у эстовъ даромъ Божиимъ, а бездѣтная семья—большимъ несчастьемъ. Все это не мѣшаетъ, конечно, иному измученному бѣдняку, обремененному большою семьей, смотрѣть подчасъ на своихъ многочисленныхъ дѣтей, какъ на божеское наказаніе. Но вообще говоря, эстонцы очень любятъ своихъ дѣтей, часто ласкаютъ ихъ, но только не при

постороннихъ; на этотъ счетъ у нихъ даже существуетъ поговорка: „Только пьяные хвалятъ дѣтей при народѣ“.

Часто и дѣти трогательно выражаютъ свою любовь къ родителямъ. Случается, напримѣръ, что сынъ-солдатъ, отслуживъ службу, возвращается на родину, и придти подъ родимый кровъ онъ старается ночью, когда уже вся семья спитъ. Тайкомъ пробрается онъ въ домъ и ложится на то самое мѣсто, гдѣ спалъ когда-то, еще до ухода на службу. Утромъ раньше всѣхъ поднимается мать, чтобы подоить корову или справить другую какую домашнюю работу; можно себѣ представить ея безконечную радость, когда она видитъ горячо любимаго сына, котораго съ такою тоской и такъ долго поджидала...

Въ прежнія времена власть родителей надъ дѣтьми была сильнѣе, чѣмъ теперь. Бывало, напримѣръ, родители сами выбираютъ невѣсту сыну, и тотъ волей-неволей долженъ былъ соглашаться на ихъ выборъ. Но теперь, слава Богу, времена перемѣнились: горькимъ опытомъ эсты убѣдились въ неправотѣ своей и по большей части предоставляютъ дѣтямъ полную свободу выбора. Немало бывало случаевъ, когда выдавали дочь насильно за недобимаго человѣка, а черезъ нѣкоторое время, смо-

тришь, бѣдняжка возьметъ да и покончить съ собой. Такіе случаи глубоко дѣйствовали на совѣсть родителей и заставили ихъ измѣнить свои взгляды на это дѣло.

И въ этомъ народѣ, какъ и вездѣ, бываютъ и недружныя семьи; случается, сынъ выдается чело-вѣкомъ непокорнымъ, и родители видятъ, что ни хозяйства онъ не сохранитъ въ будущемъ, ни ихъ не поддержитъ на старости лѣтъ. Въ такихъ случаяхъ отецъ, по общепринятому у эстовъ обычаю, можетъ и совсѣмъ лишить сына наслѣдства, а себѣ подыскать болѣе надежнаго наслѣдника. Бываетъ, что, доживъ до совершеннолѣтія въ родной семьѣ, сынъ начинаетъ тяготиться зависимостью отъ отца и уходитъ на сторону; а случается и наоборотъ: до-шлый сынъ понемногу забираетъ въ руки отцовское хозяйство, а потомъ и его же попрекаетъ дармо-ѣдствомъ, порою же и совсѣмъ гонитъ прочь, какъ лишнюю обузу въ и безъ того тяжелой жизни... Такіе случаи совсѣмъ не рѣдки въ Эстляндіи, и на-счетъ печальныхъ семейныхъ отношеній сложилась даже въ народѣ жалобная пѣсенка: „Подходить Рождество, на дворѣ воетъ метель и шумитъ вьюга, а внуку гонитъ своего стараго дѣда вонъ изъ дому; а дѣдъ на дворѣ дрожить отъ холода и голода, и некуда ему склонить своей старой головы и прину-жденъ искать чужой домъ, чтобы укрыться“.

Что касается дочерей, то власть надъ ними ро-дителей кончается вмѣстѣ съ замужествомъ. Если случится, что дочь овдовѣетъ и снова возвращается въ родную семью, то и тутъ уже она вполне само-стоятельна, и положеніе ея въ домѣ куда свобод-нѣе, чѣмъ у ея незамужнихъ сестеръ.

Хозяйство эстонца считается нераздѣльнымъ семейнымъ имуществомъ, и распоряжается имъ все-цѣло глава семьи. Да и неудивительно: высокая и измѣнчивая арендная плата заставляетъ хозяина участка биться изо всѣхъ силъ, чтобы быть въ со-стояніи уплатить всѣ повинности и еще содержать семью. Само-собою разумѣется, что сыновья мо-гутъ имѣть и свое личное имущество, которое они приобрѣли гдѣ-нибудь самостоятельно, на сто-ронѣ.

Если отецъ уѣзжаетъ куда-нибудь изъ дому или умираетъ, то вся власть надъ дѣтьми переходитъ въ эстонской семьѣ къ матери. Вообще, положеніе женщины у этого народа довольно свободное: она ничуть не забита и не подчинена мужчине. Когда обсуждается какое-нибудь семейное дѣло, эстонка свободно высказываетъ свое мнѣніе и пользуется такимъ же правомъ голоса, какъ и ея мужъ. У эстовъ есть очень любопытная поговорка: „Мужъ приноситъ въ домъ, а жена замѣтъ дома“. Конечно,

на самомъ дѣлѣ, въ домъ приносятъ не одинъ только мужъ; въ страдную пору эстонка, какъ и наша русская крестьянка, не отстаётъ отъ мужа въ полевыхъ работахъ, да еще всѣ домашнія дѣла попрежнему лежатъ на ней одной. Только зимой, правда, эстонцу приходится работать больше: онъ возитъ дрова, чиститъ снѣгъ, чинитъ орудія, а на долю жены остается лишь хозяйство да дѣти. Но и тутъ еще вопросъ нерѣшенный: кому подчасъ достается тяжелѣе—мужчинѣ или женщинѣ? Хорошо еще, когда въ семьѣ миръ да ладъ, а бываютъ и такія раздорныя семьи, особенно въ бѣдности, гдѣ мужъ, напившись, жестоко обращается съ женой и только потому, что онъ сильнѣе ея.. Дѣло иногда доходитъ до того, что за обиженную женщину вступаются сосѣди, а если имъ не удастся усмирить расхоронившагося буяна, то они обращаются съ жалобой на него къ пастору.

Такъ вотъ какъ складываются семейныя отношенія у эстовъ; и здѣсь, какъ вездѣ, хорошее и дурное крѣпко переплетаются между собою.

Народное образованіе у эстовъ стоитъ довольно высоко и развивается съ годами все болѣе и болѣе.

Почти всякій взрослый эстонецъ грамотенъ, хотя старшее поколѣніе больше умѣетъ читать, а въ письмѣ не такъ искусно, какъ младшее.

Народныя школы, предназначенныя для крестьянъ, бываютъ двухъ родовъ: 1) приходскія и 2) сельскія и мызныя школы. Въ приходской школѣ обученіе идетъ круглый годъ, а въ сельскихъ и мызныхъ; отъ поздней осени до ранней весны,—слѣдовательно, во все время лѣтнихъ полевыхъ работъ дѣти пользуются свободой. Во всѣхъ народныхъ школахъ обученіе ведется на эстонскомъ языкѣ, при чемъ одна школа приходится приблизительно на 500 человекъ населенія. Дѣвочки также не отстаютъ въ школьномъ дѣлѣ, и число ученицъ равняется почти половинѣ всѣхъ учащихся. Въ мызныхъ и сельскихъ школахъ преподаются чтеніе, письмо, начальная ариѳметика, катехизисъ, священная исторія и церковное пѣніе; въ приходскихъ же школахъ сверхъ всѣхъ этихъ предметовъ обучаютъ еще исторіи, географіи, геометріи и рисованію.

Многіе эсты, познавшіе пользу образованія и выбившіеся изъ нужды, отдають своихъ дѣтей въ гимназіи и реальныя училища, которыя находятся во многихъ городахъ какъ Эстляндіи, такъ и всего Прибалтійскаго края; тамъ обученіе ведется теперь уже на русскомъ языкѣ, тогда какъ до 1887 года

все преподаваніе шло на нѣмецкомъ языкѣ—родномъ нарѣчій помѣщиковъ, такъ долго царившихъ въ краѣ. Нѣкоторые ученики, по окончаніи этихъ среднихъ школъ, идутъ дальше и поступаютъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить студента-эстонца не только въ ближайшемъ къ нимъ юрьевскомъ *) университетѣ, но и въ нашихъ столицахъ, а порою и въ другихъ русскихъ городахъ, гдѣ имѣются высшія учебныя заведенія.

Эсты, такъ долго гнувшіе шею подь рабскимъ ярмомъ, теперь уже чутьемъ угадываютъ, что истинный путь къ свободѣ отъ чужого произвола можетъ освѣтить имъ лишь надежный свѣтъ знанія и народнаго просвѣщенія.

Крестьянское населеніе Эстляндіи, какъ и всего Прибалтійскаго края, управляется иначе, чѣмъ у насъ. Сельское управленіе находится въ рукахъ волостныхъ старшинъ, ихъ помощниковъ и писарей. Почти всѣ волостные старшины Эстляндской губ. выбираются въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ; всѣ они грамотны, но и десятая часть изъ нихъ не

*) Юрьевъ—университетскій городъ Лифляндской губ.

владѣть русскимъ языкомъ. Въ большинствѣ случаевъ старшиной выбирается крестьянинъ-собственникъ, но тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, приходится, конечно, выбирать и арендатора. Жалованье старшины получаютъ отъ волостей крайне разнообразное: есть такіе—правда, ихъ всего только двое на всю губернію—которые получаютъ даже менѣе 10 р. въ годъ, а инымъ идетъ по 180—200 р. Живетъ старшина по большей части неподалеку отъ волостного правленія, хотя мѣстами случается и за 6 и больше верстъ. Помощникъ волостного старшины чаще всего проживаетъ недалеко отъ старшины; выбирается онъ въ такомъ же возрастѣ, и еще рѣже кто-либо изъ нихъ знаетъ русскій языкъ. Больше половины помощниковъ принадлежитъ къ крестьянамъ-собственникамъ, и только меньшая часть къ арендаторамъ. Вознагражденіе помощника гораздо меньше, чѣмъ старшины, а именно—отъ 5 до 50 р. въ годъ, при чемъ эту самую ббольшую сумму получаетъ только одинъ помощникъ на всю Эстляндскую губ.

Кромѣ этихъ двухъ должностныхъ лицъ, участвуетъ еще въ сельскомъ управленіи и волостной писарь, котораго избираетъ волость по большей части изъ сыновей крестьянъ: только очень рѣдко попадается писарь изъ мѣщанъ. Грамотность среди писарей стоитъ довольно высоко; все это народъ

молодой, отъ 20 до 30 лѣтъ, обучавшійся въ различныхъ школахъ. Такъ, на примѣръ, почти четвертая часть всѣхъ писарей Эстляндской губ. окончила учительскую семинарію; остальные—въ уѣздномъ, приходскомъ или городскомъ училищѣ. Чаше всего писарь живетъ тутъ же при волостномъ правленіи, но случается и версть за 5 отъ него. Жалованья полагается, смотря по мѣстности, чаще всего отъ 100—125 р. въ годъ, хотя есть и такіе рѣдкіе участки, гдѣ писарь получаетъ 375—475 р.; зато попадаются мѣста съ жалкой платой въ какихъ-нибудь 15—25 р. въ годъ.

Надзоръ за сельскимъ управленіемъ крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ возложенъ на такъ называемыхъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, которыхъ назначаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Имъ подчинены, слѣдовательно, волостные старшины, которые проживаютъ, случается, за десятки верстъ отъ своего начальника-комиссара. Когда крестьянинъ беретъ у помѣщика въ аренду землю или покупаетъ арендуемый имъ участокъ, то договоръ, заключаемый между ними, непременно долженъ быть скрѣпленъ комиссаромъ, обязанность котораго слѣдитъ за правильнымъ исполненіемъ закона о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Если кто-нибудь недоволенъ дѣйствіями комиссара, то съ жалобой на него можетъ обратиться въ губернское

по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; оно же разбираетъ дѣла объ удаленіи отъ должности лицъ волостного правленія и о преданіи ихъ суду, о ссылкѣ порочныхъ членовъ по приговорамъ общихъ волостныхъ сходовъ, при чемъ сначала приговоры эти провѣряются комиссарами, которые потомъ уже и направляютъ дѣло въ губернское присутствіе. Если между помѣщикомъ и крестьяниномъ состоится полюбовная сдѣлка объ обмѣнѣ, на примѣръ, крестьянскаго участка на мызную землю, то и тутъ опять-таки дѣло не обойдется безъ губернскаго присутствія, которому, вообще, отведенъ высшій надзоръ за поземельными дѣлами. Главнымъ начальствомъ въ краѣ по всѣмъ статьямъ общаго управленія крестьянъ является губернаторъ, который по закону имѣетъ право приостановить исполненіе приговора губернскаго присутствія и для окончательнаго рѣшенія направить дѣло въ самое высшее учрежденіе—сенатъ.

Случится ли кому изъ эстонцевъ совершить какое-нибудь гражданское или уголовное преступленіе, то судятъ его по нашимъ общимъ русскимъ законамъ. При этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣло не обходится безъ переводчиковъ, такъ какъ русскій языкъ еще только недавно сталъ прочно вводиться въ краѣ, и рѣдкій туземецъ знакомъ съ нимъ.

Такъ вотъ какъ проживаетъ эстонецъ, жизнь котораго во многомъ такъ чужда намъ, русскимъ, какъ, впрочемъ, и житье-бытье другихъ прибалтійскихъ народностей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Прошлая жизнь эстовъ. — Ихъ занятія и хозяйственное положеніе	3—19
„ II. Вѣрованія эстовъ. — Суевѣрія. — Праздники и развлеченія. — Народныя сказанія	20—31
„ III. Жилище, одежда, и пища у эстовъ.	32—44
„ IV. Сватовство, свадьба и похороны . .	45—63
„ V. Семейныя отношенія у эстовъ. — Народное образованіе и сельское управленіе	64—74